

История

“Замечательный характер Оренбургской губернии”

В путешествии по России своего воспитанника сопровождал В.А. Жуковский. Сохранились его краткие дневниковые записи: “10 июня. Переезд из Верхнеуральска. Начало степи. Слева отдельные горы за Уралом. Справа на горизонте голубая гряда гор. Вероятно, Губерлинские горы, в большом отдалении. Дорога ровная, усыпанная мелким хрящем. Два ряда кольев. Обедали в Сыртинской с ужасным множеством мух. Ночевали в Таналыкской (теперь дно Таналыкского залива Ириклинского водохранилища. – Т.С.) с великим множеством тараканов. Степь, прерываемая возвышениями, покрытыми травой. В одном месте к голым горам примкнуло несколько прекрасных березовых рощ. Огромный камень посреди равнины, как вершина погребенной горы.

11 июня. Переезд из Таналыкской до Ильинской (ныне Кувандыкский район. – Т.С.). Великий князь верхом. Кочевье киргизских пастухов. Обедали в Орской крепости. Дорога вся в порядке. Весьма замечательный вид на горы. Между Хабаровой и Губерлинскою (сейчас Гайский район. – Т.С.) как будто в малом виде большие горы со всеми их деталями. Но ни куста, ни капли воды. Все покрыто ковылем и пусто. Взмывавшаяся и окаменевшая пустыня. Чудный вид с высокого пункта, который я срисовал. Спуск по степенному между нижними лучшими каменными холмами, составляющими цепь. Дно сей долины – дорога. В одном месте ключ перебежал через дорогу. Замечательный характер Оренбургской губернии. Прелестный вид на станцию Губерлинскую. Горы, как легион крокодил, лежащие поперек. По спине их – дорога. Камни, как бородавки, на песке ковыль. Переезд к Подгорной крепости (в настоящее время Кувандыкский район. – Т.С.) – по дну широкого бассейна долиною. Этим широким бассейном дорога идет до самой станции и ночлега Верхнеозерной крепости. Дурная ночь – половина в дормезе, половина в избе.

12 июня переезд из Верхнеозерной (теперь Беляевский район. – Т.С.) в Оренбург. Крутой спуск при выезде. Степь ровная, но более плодородная, разнообразие трав. Каланча. Прекрасная дорога по крутому берегу Урала. Приезд в Оренбург в три часа пополудни. Тотчас с Далем (Владимир Иванович служил тогда чиновником особых поручений при Перовском. – Т.С.) на берег. Роща за Уралом”.

“При восторженных криках бегущего народа”

По свидетельству современников, “Цесаревич Александр Николаевич прибыл 12 июня (24 июня по новому стилю), следуя в коляске с Перовским по орскому тракту и при въезде в Форштадт принял от депутации, состоящей из стариков-казаков, хлеб-соль на блюде и, поблагодарив за подношение, отправился по Большой Атаманской улице (ныне ул. Чкалова. – Т.С.) из Форштадта через орские ворота по направлению к летнему Преображенскому собору (находился на набережной. – Т.С.).

Из собора Его Высочество при восторженных криках бегущего народа поехал с Перовским в его квартиру, в дом, принадлежащий Тимашеву (недавно разрушенный дом № 32 по ул. Советской. – Т.С.). Большого труда стоило энергичному полицеймейстеру Щербачеву, чтобы остановить порыв толпы народа, желавшего отпрячь лошадей и везти Его Высочество на себе.

Отдохнувши у Перовского, Наследник Цесаревич отправился на осмотр тюремного замка, богадельни, военного госпиталя и Неплюевского военного училища (сейчас в этом здании на ул. Ленинской медицинский колледж. – Т.С.).

“Этими полками щеголяли”

Но вернемся к дневнику В.А. Жуковского: “13 июня. Пребывание в Оренбурге. После обеда азиатский праздник. Киргизское кочевье (кибитка). Диван. Решетка. Стрелы или униты. Круг. Кошма или войлок. Скачка вокруг холма. Скакали лошади некованные и некормленные, без овсов, без седел, в шлеях. Две скачки. Выигрыши. Верблюды, лошади. Кафтаны. Скачка на верблюдах. Пляска башкирская. Борьба башкир с киргизами. Музыка башкирская. Музыкант: курайчи; инструмент: курай или чеблуга. Баксы или колдун киргизский; змеи, прыганье на саблю, исступление. Чай в кибитке. Театр в галерее. Возвращение домой. Разговор с Далем”.

В своей знаменитой монографии “Город Оренбург”, изданной в 1908 году, П. Столпянский, рассказывая о башкирских конных полках, пишет: “...Этими полками иногда щеголяли. Так, при проезде через Оренбург Императора Александра II в бытность наследником престола, Перовский на параде, данном в честь приезда высокого гостя, вывел на смотр две сотни башкир. Одна сотня на рыжих конях в красных суконных кафтанах, обшитых галуном, в таких же малахях (головной убор) с галунами, подбитых красною лисою, за спинами колчан со стрелами и лук. Другая сотня на серых лошадях была одета в кольчугу, сквозь которую просвечивал красный бешмет (верхняя мужская одежда), в стальных наручниках и набедренниках, на голове стальной шишак (вытянутый вверх шлем с наушниками и наносником), на поясе кривая турецкая сабля. Пущенные в атаку, эти две сотни лихо пронесли мимо Цесаревича, который остался ими очень доволен...”.

“Состоялось народное гулянье”

В статье об этом событии есаул оренбургского казачьего войска С.Н. Севастьянов на рубеже XIX и XX столетий сообщал: “13 июня (25 июня по новому стилю) был назначен парад войскам на площади, где находятся садики возле реального училища (сейчас школа № 30. – Т.С.) и городского театра. Вечером в тот же день состоялось народное гулянье на горе Сулак, что за рекой Уралом в семи верстах от Оренбурга по дороге на Илецкую Защиту.

Перовский принял все меры, чтобы доставить юному Цесаревичу, которому было тогда всего 19 лет, возможное разнообразие и удовольствие. Вся дорога от моста к горе Сулак была иллюминирована зажженными “лагунами” (смоля-

В честь Наследника Цесаревича

165 лет назад оренбуржцы принимали представителя династии Романовых – будущего императора Александра II

ные бочки), а улицы, церкви и единственная тогда мечеть положительно утопали в море огня площадей, фонариков и транспарантов. На самой горе была устроена деревянная галерея, где собрался весь цвет Оренбурга. У подножия горы были раскинута палатки киргиз и башкир, были собраны два батальона пехоты, артиллерия и казаки. Против галереи было расчищено место для скачек лошадей и верблюдов”.

Сергей Никанорович Севастьянов счел нужным подчеркнуть: “Наследник Цесаревич с любопытством осматривал невиданные им условия быта киргиз и башкир, заходил в кибитки, смотрел на киргизских “бакса” (фокусников), проделяющих различные фокусы (глотание кинжала, хождение по раскаленному железу, доставание монеты из чаши, наполненной болтушкой, что при уморительности движений вызывало у всех немало смеха).

В галерее шли танцы, гремела музыка. Когда за ужином провозглашен был тост за здоровье Государя Императора Николая Павловича и Его Высочества Наследника Цесаревича, грянул залп двух тысяч ружей и всей артиллерии! Верблюды и степные кони рванулись и понеслись так, что насилу их успели поймать...”.

“Бузулук бедный город...”

На следующий день 14 июня (26 июня по новому стилю) Александр Николаевич Романов ездил в нынешний город Соль-Илецк, где его тоже ждали.

Данных о пребывании царского сына в Соль-Илецке немного – В.А. Жуковский по болезни не смог сопровождать его, а есаул Севастьянов оставил одну фразу: “Осмотрел добывание каменной соли и заходил в каторжную тюрьму”.

Но вернемся в 1837 год. 15 июня (27 июня по новому стилю) важный гость “рано утром выехал по направлению к пределам Уральского войска. Его сопровождали оренбургские казаки ...”.

И вновь читаем дневник Василия Андреевича Жуковско-

го, запись за 17 июня (29 июня по новому стилю): “Переезд из Уральска в Бузулук. Ехали в коляске с Перовским. Дорога прекрасная. Дождь. Холодоватый день. Степь сменяется небольшими возвышенностями. Бузулук бедный город с большой площадью, на которой находятся полуразрушенные присутственные места. Удвоенное население уезда от переселенцев, коих состояние бедственное.

18 июня переезд из Бузулука в Бугульму. Приятная дорога. Богатые поляны. Зеленые горы. Дубы и березы. Сурковые бугры. Обед в Бугуруслане. Живописное местоположение на полугоре на берегу Кинеля. Аксаков дворянский предводитель”.

“На память – конь “Золотой”

С.Н.Севастьянову удалось выяснить еще несколько любопытных деталей пребывания царственной особы в Оренбуржье: “Все казаки, бывшие в сводном полку и батареях, а также в конвойных командах по пути проезда Его Высочества по оренбургской линии от Верхнеуральска до пределов уральского войска (их насчитывалось около 1500 человек. – Т.С.), получили в награду от Его Высочества по 1 рублю на казака, урядники по 5 рублей, а на всех офицеров выдано 1500 рублей ассигнациями.

Перовский был несказанно рад и счастлив видеть у себя в гостях, в пределах управляемого им Оренбургского края Наследника Престола, Первенца-сына Государя, который столь высоко ценил неподдельную любовь и преданность к нему Перовского и оказывал Василию Алексеевичу такое доверие, которому завидовали даже многие из приближенных к Государю лиц.

В порыве благодарности за посещение Оренбурга, Перовский просил Его Высочество принять от него на память великолепного коня под названием “Золотой”, и действительно, это был достойный подарок для Гостя, так как Перовский был любитель и знаток лошадей, его часто можно

видеть проезжающим по окраинам города на этом “Золотом”. Подарок был принят благосклонно Цесаревичем, который отблагодарил радушного хозяина по-царски, прислав Перовскому богато украшенную шашку”.

“Отправить к Высочайшему двору”

Архивистам посчастливилось обнаружить среди документов свидетельство о еще одном подарке наследнику российского престола.

Хан внутренней киргизской орды Джангер Букеев в апреле 1838 года писал В.А. Перовскому: “ По соизволению Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого князя Александра Николаевича, объявленному мне лично в г. Оренбурге, намереваясь ныне представить к Его Высочеству трех лучших лошадей с завода от Высочайше пожалованных мне жеребцов, именно: коня вороного пяти лет, каракового жеребца четырех лет и белого жеребца трех лет, я имею честь довести об этом до сведения Вашего Превосходительства с покорнейшей просьбой принять означенных лошадей и отправить к Высочайшему Двору...”.

Оренбургский военный губернатор выделил соответствующие средства для доставки ценного животного груза, и 21 мая лошади в сопровождении гвардейского взвода начали свой путь к столице России. Управляющий конюшным отделением Двора Государя Наследника Цесаревича генерал-адъютант П. Ушаков осенью 1838 года известил Перовского о том, что “три верховые лошади завода Хана Внутренней Киргизской Орды Джангера Букеева в Санкт-Петербург приведены 13 сентября на конюшню Его Императорского Высочества, в здоровом виде и хорошем теле приняты”.

Хочется надеяться, что это не последняя находка архивистов о поездке по оренбургским степям представителя императорской семьи.

Татьяна СУДОРГИНА